
ДИДЗИС БЕРЗИНЫШ

**Социальная память о Холокосте
в популярной культуре Латвийской ССР:
анализ некоторых ярких примеров¹**

Изучение памяти — новая область исследования, объектом которой является изучение социальной/коллективной/культурной памяти, в последние годы она становится все более актуальной и во многих местах (например, в Германии, Франции, Великобритании) уже полностью институционализована как отдельная дисциплина. Об академическом и дисциплинарном усилении данной научной отрасли свидетельствует непрерывно возрастающее число локальных и сравнительных исследований, установление теоретических и методологических рамок и границ и создание международных журналов, таких, например, как “*Memory studies*”. Вопросы памяти актуализировали также поиски политиками и интеллектуалами Европы единой европейской идентичности, которая базировалась бы на общем объединяющем понимании истории, социальной памяти, перспективе этики памяти и которая включала бы понимание того, что и как нужно помнить европейцам [Painful Pasts 2012: 7–8].

Воплощение этого идеалистического видения в реальность трудно представить, принимая во внимание конфликты памяти, которые происходят и происходили как в границах государств, так и за их пределами, и которые демонстрируют существование очень разной социальной памяти, что является следствием различных социально-политических процессов. Однако, невзирая на трудности, идея жизнеспособна, и, по крайней мере теоретически, вопрос о едином и объединяющем пространстве европейской памяти является актуальным на данный момент. Например, ученый-политолог Клаус Легевие (Leggewie) предложил схематическую общую структуру европейских воспоминаний, образованную в виде концентрических кругов, в центре которой помещен Холокост [См.: Leggewie 2011: 14].

¹ Эта работа создана при поддержке Европейского Социального фонда проекту «Поддержка докторантского обучения в Латвийском Университете» и в рамках восьмого проекта «Социальная память Латвии и национальная идентичность» государственной исследовательской программы «Национальная идентичность».

Помещение памяти о Холокосте в центр структуры не является случайным; у Холокоста и его изучения была особо значимая роль во времена расцвета исследований памяти, и это можно рассматривать не только как часть области изучения памяти, но и как основу становления данной дисциплины, поскольку, следуя за огромным интересом к памяти о Холокосте, были исследованы также другие массовые убийства, этнические чистки и вызванные ими культурные травмы; как результат, возрос и выделился в отдельное направление исследований интерес к социальным процессам памяти, а сам процесс начался именно благодаря все возрастающему интересу различных исследователей и к Холокосту как к историческому событию, и к резонансу этого события с его распространенностью в различных общественных группах.

Холокост в так называемых западных обществах сейчас, несомненно, находится в центре внимания. Каждый год открывается все больше новых памятных мест, мемориалов и музеев, к тому же это происходит и на территориях, находящихся далеко от мест физического уничтожения евреев². Но особенно важно, что распространенность памяти о Холокосте наблюдается не только в физической среде, но и на интеллектуальном и символическом уровнях, и информация о произошедшем доступна в самых разных формах — созданы академические, литературные и художественные работы, и их число продолжает увеличиваться в геометрической прогрессии [Roseman 2001: 361]. Масштабность процесса характеризует, например, высказывание исследовательницы Холокоста Дорис Берген (Bergen), что сейчас ученый, интересующийся тематикой Холокоста, не может осуществить первичное задание и познакомиться с вышедшими в данной области исследованиями, так как для этого теперь нужен срок, превышающий среднюю продолжительность жизни человека [Bergen 2009: vii].

Более того, значение Холокоста является также подчеркнуто символическим. Связанные с ним и его трагическими последствиями полученные и усвоенные воспоминания, свидетельства, ассоциации и вынесенные уроки стали основой, на которую опирается понимание

² Репрезентацию памяти о Холокосте в различных памятных знаках анализировал Джеймс Янг. Уже в начале девяностых годов он сделал вывод, что культура памяти Холокоста выросла до таких размеров, что музеи и мемориалы по всему миру каждый год посещают больше человек, чем было убито во время Холокоста. См.: Young J.E. *The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning*. 1993. P. ix. К тому же со времен публикации его труда проанализированные процессы не ослабли, но, наоборот, интенсифицировались.

ценностей и морали Западного мира. Запоминание и осознание Холокоста стали также гарантией стремления Европы восстановить гуманизм; по словам британского историка Тони Джадда, адресованным постсоветским государствам: «Признание Холокоста является в наши дни входным билетом в Европу» [Džads 2007: 887].

Тезис Т. Джадда символичен, поскольку социальная память восточноевропейцев воспринимает это событие если не диаметрально противоположно, то с весьма отличных от западноевропейских позиций. Если отрицание или пренебрежение Холокостом в публичном пространстве современного Запада означает исключение себя из общества цивилизованных людей, то в Восточной Европе такая позиция очень часто не только воспринимается с пониманием, но также привлекает группу поддержки и единомышленников. Этот феномен, или абсолютно другая интерпретация одного и того же события, обычно объясняется наследием советского режима, поскольку тот целенаправленно осуществлял политику замалчивания преступления против евреев [см. Ezergailis 1999: 30–33; Dribins. Antisemītisms: 143]. Поэтому включить память о жертвах Холокоста в постсоветские воспоминания было сложным заданием практически в любом государстве Восточной Европы [Džads 2007: 913].

Однако разница, с одной стороны, между Западом, который хочет помнить и помнит, и Востоком, с другой, который не хочет помнить и не помнит, вовсе не является такой однозначной. На Западе также еще долгое время после Второй мировой войны Холокост не был в центре внимания. Определенно Европа, как мы ее знаем сейчас, строилась с лозунгом: «Никогда больше», однако в то время, в отличие от наших дней, центральным содержанием этого лозунга не был Холокост. В те времена он был одним из зол в длинной цепи событий, повторения которых европейцы, по крайней мере, их интеллектуальная элита, обязались более не допустить.

Под влиянием различных социальных и политических процессов, которые в это время влияли на репрезентацию Холокоста как события в социальной памяти Западного общества, Холокост в течение более чем полувека после окончания Второй мировой войны из незначительного происшествия превратился в доминирующий дискурс культуры западного мира.³ Появление Холокоста в центре социальной

³ О выдвигении Холокоста в центр социальной памяти Запада подробнее см.: Bērziņš D. Holokausta sociālā atmiņa: teorētiskās perspektīvas un attīstības tendences // Otrais pasaules karš Latvijas sociālajā atmiņā / Red. M. Kaprāns, V. Zelče. Rīga: LU SZF SPPI, 2010, 61.–77. lpp.

памяти Запада в 80-е гг. XX в. является ярким примером того, как исчезают когда-то ясно обозначенные границы между образованием и развлечением, художественной продукцией и исследованиями историков, популярной культурой и документальными свидетельствами, а также памятью и историей.⁴

Вопросы, связанные с памятью Холокоста, достигли широких слоёв общества благодаря таким популярным произведениям культуры, как сериал «Холокост» с Мерил Стрип, Майклом Мориарти и Джеймсом Вудом в главных ролях, документальный фильм Клода Ланцмана “*Shoa*” и художественный фильм Стивена Спилберга «Список Шиндлера».⁵

Вместе с тем, хотя ведущие латвийские исследователи жизни еврейского меньшинства, когда пишут об отношении советской власти к Холокосту, и сообщают, что: «Холокост был включен Москвой в круг запретных тем» [Vestermanis. Holokausts Latvijā: 36], «тема [Холокоста] являлась табу» [Dribins. Antisemitisms: 145] и «тематика Холокоста была табу» [Ezergailis 1999: 31], но чтобы полностью понять, сколько могли знать жители Латвийской ССР о Холокосте, необходимо взглянуть на ту продукцию популярной культуры, которая потреблялась и которая могла актуализировать память о Холокосте в Латвийской ССР. В этой области мало исследований и выводов, а те, которые есть, не могут рассматриваться как точные; например, утверждения А. Эзергайлуса, что, за исключением работ Ояра Вацietiса и упомянутых в некоторых работах Регины Эзеры «тех, кто расстреливал евреев», «евреи не существовали в литературе советской Латвии» [Ezergailis 1996: 375], или «еврей как самостоятельная фигура или индивидуальная характерная роль, после Холокоста практически исчезла» [Ezergailis 1996: 358].

И евреи, и особенно уничтожение евреев во Второй мировой войне, или Холокост, существовали в литературе и популярной культуре

⁴ Об этих процессах подробнее см.: Bērziņš D. Holokausta sociālā atmiņa.

⁵ Безусловно, до этих произведений популярной культуры появились различные академические исследования, социальные эксперименты, научные публикации, произошли судебные процессы и различные политические акции, которые способствовали увеличению интереса и знаний о теме Холокоста, однако широкие круги населения о Холокосте узнали и начали интересоваться благодаря данным произведениям. Как первопроходца рассматривают появившийся в 1978 году сериал «Холокост», премьеру которого в США посмотрели почти 100 миллионов жителей, а в Западной Германии — примерно 20 миллионов зрителей (более чем половина всех взрослых), и большинству фильм смог предложить больше информации о Холокосте, чем они получили за все тридцать лет после окончания Второй мировой войны. См.: Novick P. The Holocaust in American Life. 1999. P. 210; Džads 2007: 896.

советской Латвии. Однако в этом существовании выделяются три периода, когда публичные свидетельства на тему Холокоста включались в дискурс официальной власти и их можно было публиковать и читать либо смотреть в работах, доступных широкой публике: 1) короткое время после Второй мировой войны, 2) в самом конце пятидесятих годов и в начале/середине шестидесятых годов, 3) в самом конце семидесятых годов и в восьмидесятые годы.

После Второй мировой войны

Наиболее противоречит мифу о Холокосте как табуированной теме период сразу же после Второй мировой войны, поскольку при рассмотрении продуктов популярной культуры того времени становится ясно, что жителям Латвийской ССР информация о геноциде евреев (термин «Холокост» тогда не использовали не только в ЛССР, но и во всей Европе) была доступна в различных формах и проявлениях — в историографии, прессе и художественной литературе. К тому же это происходило в период, считающийся выраженно репрессивным — в конце сталинской эпохи.

В то время хотя и не совсем точную, однако грандиозную работу осуществляла, как и во многих других регионах СССР, основанная сразу же после повторного взятия власти в Латвии учреждениями советской власти Чрезвычайная республиканская комиссия, которая на протяжении почти года (с 23 августа 1944 года по 27 июля 1945 года) «исследовала и фиксировала количество убийств, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в ЛССР» [Levins 1999: 134]. Чрезвычайная комиссия включала в себя 5562 (!) местные подкомиссии, и в их работе участвовали примерно 50 000 (!) человек. Деятельность комиссии свидетельствует как об особом внимании к мельчайшим деталям, так и о тенденции преувеличивать и даже фабриковать данные, особенно — число убитых. В свою очередь, данные Чрезвычайной комиссии ЛССР иногда, в соответствии с требованиями идеологии и пропаганды, «делались убедительнее» другими, вышестоящими институциями советской власти [Ezergailis 1999: 30–31; Ezergailis 2005: 96–97].

Результат этой работы сразу же по окончании войны был также отражен в различных публицистических жанрах. Прежде всего надо упомянуть изданную в 1945 г. и подписанную именами писателей Анны Саксе и Яниса Судрабалкса брошюру, которая повествует

«О зверствах немецко-фашистских чудовищ в Советской Латвии» и в которой почти шесть страниц занимает сообщение о событиях Холокоста в оккупированной нацистами Латвии. В главе под названием «Уничтожение евреев» охарактеризована как нацистская расовая доктрина, в рамках которой евреям отводилось место «низших людей», так и отношение нацистов к еврейскому народу в целом, сущность и реализация нацистской пропаганды в Латвии. Также подробно описано ужесточение репрессивных мер против евреев — начиная от различных ограничений и запретов, продолжая заключением в гетто и заканчивая физическим уничтожением. Процесс Холокоста охарактеризован как в общих чертах, с упоминанием главных событий и, иногда, преувеличенных цифр, так и с выражено литературным красноречием, характеризуя отдельные трагические сцены и эпизоды нечеловечески жестоких убийств [Sakse, Sudrabkalns 1945: 76–82].

В свою очередь, в конце января — начале февраля 1946 г. тематика уничтожения евреев становится материалом для официальной партийной газеты «Циня». Со многими продолжениями журналисты отображают суд над Фридрихом Еккельном и другими семьёю нацистами — обвинения, материалы допросов, а также публикации полных возмущения писем советских тружеников, в каждом из которых требуется высшая мера наказания для злодеев. Опубликованные материалы, в сущности, основательно знакомят с преступлениями обвиняемых против «мирных советских граждан», однако в некоторых случаях особенно и ярко идентифицированы также страдания евреев.

Так, например, Еккельн, отвечая на вопрос следователя, «признает», что по его приказу только в Риге «уничтожены 25 000 евреев, в том числе примерно восемь тысяч детей, начиная с младенцев» [Tiesas grāva... 29.01]. Опубликовано его «признание», что он и сам убивал евреев, «чтобы подать личный пример своим подчиненным», а также подчеркнуто, что, по оценке обвиняемого, на территории Остланда всего убито около 550 000 евреев — советских граждан [Ibid]. В свою очередь, в рассуждениях «Цини» сообщается, что «по прямым приказам Еккельна уничтожены жители еврейской национальности, а их имущество разграблено. Только в Риге с 30 ноября по 7 декабря 1941 года уничтожено более 30 тысяч жителей еврейской национальности» [Tiesas grāva... 5.02]. Хотя некоторые из инкриминированных подсудимым обвинений преувеличены и на передний план выдвинуты страдания «мирных советских граждан», описание процесса в офи-

циозе советской прессы в 1946 г. дает информацию о некоторых важных аспектах процесса Холокоста.

Позднее эти свидетельства были обобщены и опубликованы в изданной в 1946 году книге под названием «Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской СССР» [Tiesas grāva 1946; Судебный процесс 1946], став, таким образом, частью советской историографии. С современной точки зрения, эта работа, так же как и публикации в газете «Циня», хотя и использует фантастические числа и события, в сообщениях о преступлениях и жертвах нацизма содержит обширную информацию о Холокосте, но одновременно с этим дискурс постоянно балансирует между «уничтожением еврейского гетто»/«массовыми расстрелами евреев»/«почти полным уничтожением жителей еврейской национальности», и убийствами «советских граждан» в Румбуле и других местах.

Однако обширнее всего Холокост представлен и, принимая во внимание талант и также статус автора на тот момент, по-видимому, производит наибольшее впечатление в романе Вилиса Лациса «Буря». Эту работу В. Лацис писал в конце Второй мировой войны и сразу же после ее окончания (с 1945 по 1948 г.), и уже во время своего создания, с 1946 по 1948 г., произведение это регулярно публиковалось в газете «Циня» [Lācis 1974, 14 sēj.: 403–404]. В формате книги труд первый раз был издан в 1947–1949 годах в пяти томах, общим объемом 1904 страницы [Radzobe 2004].

Роман «Буря» считается образцом «ждановщины», поскольку написан в традициях социалистического реализма, который после речи секретаря ЦК ВКП(б) Андрея Жданова 14 августа 1946 г., в которой писатели были призваны в своей работе четко следовать методу социалистического реализма с целью идеологически вооружить и воспитать народ, был непоколебимо признан единственным методом социалистической литературы и искусства [Zelče 2004: 165–166]. Социалистический реализм Вилиса Лациса можно охарактеризовать как трансформацию его довоенной композиции литературных работ и методов создания системы образов, синтезированных с диктуемым социалистической идеологией содержанием. В результате появилась легко воспринимаемая, даже увлекательная, советская беллетристика [Radzobe 2004].

Вместе с тем «Буря» стала классическим воплощением соцреализма, где в полной мере проявилась особенность этого направления — сти-

рание различий между языками художественной литературы и идеологии [Berelis 1999: 107–114]. В романе учтены почти все требования социалистического реализма того времени, и «Буря» является одним из наиболее приблизившихся к «канонам ждановизма» достижений литературы. Критика также после публикации романа отнеслась к нему благосклонно, и Вилис Лацис за эту работу получил Государственную премию СССР второй степени, что привлекло к роману новых читателей. Роман «Буря» был многократно издан, в том числе и с исправлениями, и переведен более чем на 14 языков [Lācis 1974, 14. sēj.: 403–404].

Холокост (хотя Вилис Лацис в своей работе этот термин и не использовал) и связанные с ним события в романе «Буря» отображены широко, всесторонне и резко. Каждый читатель данного произведения может следовать подробно и точно отображенному ходу развития антияеврейской политики в оккупированной нацистами Латвии.

Во-первых, в разговоре двух героев романа — Ханны и Рубена — обозначены основные мотивы преследований евреев, с ясным указанием, что евреи преследовались не только как коммунисты, но в основном из-за расистских мотивов: «— Скажи, Рубен, неужели им на самом деле никогда не будет достаточно крови? И почему они нас так ненавидят? Что мы им плохого сделали? — Мы не арийцы, — ответил Рубен» [Lācis 1974, 12. sēj.: 198].

Во-вторых, Вилис Лацис изображает также процесс дискриминации евреев во всевозможных сферах. Начиная с распоряжения об обязательном ношении шестиконечной звезды Давида на одежде: «Милый, ты видел звезду Давида у меня на груди и на спине. Без нее нельзя на улице показаться. Если встретят без этого знака, сейчас же арестуют и расстреляют» [Lācis 1974., 12. sēj.: 198]. Продолжая запретом перемещаться по тротуарам, яркой характеристикой дискриминируемого нацистской властью образа еврея, наблюдаемого на улице, и общего положения евреев на тот момент: «Изредка показывалось какое-то униженное, презираемое существо с желтой звездой и надписью на одежде. “Jude”... Читал Натансон. Они шли посередине улицы, повесив головы и не осмеливаясь и шагу ступить на тротуар даже тогда, когда подвода или машина вынуждала их отступить к краю улицы» [Lācis 1974, 12. sēj.: 196], и заканчивая запретом покупать и стоять в очередях в магазины: «В той же самой очереди солдаты нашли еще двоих еврейских подростков. Сильной оплеухой их выкинули из очереди и погнали прочь. Люди отвернулись и притворились, что не видят происходящего» [Lācis 1974., 12. sēj.: 144].

В-третьих, в разговоре между центральными и эмоционально выразительными героями романа — членами семьи Натансонов — ярко, детально и недвусмысленно показано, каков конечный результат этой дискриминации и судьба евреев в оккупированной Латвии: «Сразу же, как пришли, начали убивать. В парке Райниса — ты знаешь траншеи, которые тогда мы вырыли в начале войны, — они их использовали как могилы. Каждое утро расстреливали, пока весь ров не заполнился. Когда трупы начали вонять, гитлеровцы собрали евреев и приказали расстрелянных выкопать и перевезти в дюны на берегу моря. Позднее расстреляли всех, кто участвовал в перевозке трупов. В конце июля каждый день расстреливали наших мужчин» [Lācis 1974, 12. sēj.: 198].

В-четвертых, Вилис Лацис недвусмысленно указал на всеохватывающий характер осуществленных нацистами преступлений против евреев. В разговоре высших чиновников местного управления генеральный комиссар оккупированной Латвии Дрекслер сообщает остальным присутствующим: «Окончательная дата всеобщей ликвидации еще не назначена, но я думаю, что она не будет слишком далеко. Мы должны быть готовы к выполнению массовой экзекуции» [Lācis 1974, 12. sēj.: 225]. Таким образом, В. Лацис ясно указал на осведомленность о так называемом «окончательном решении» в среде руководства местной власти.

В-пятых, существенный аспект представления Холокоста — это открытое изображение местных пособников, их роли и аспектов мотивации на многих страницах романов. Так, например, Вилис Лацис пишет в итоге: «Грязную работу сделали подручные из вспомогательной службы из среды бывших айзсаргов, полицейских и прочих слуг <...> Большинство арестов совершали люди из вспомогательной службы. <...> Весь город знал о происходящем. Люди угрюмо молчали, наблюдая эту оргию расправы. Никто больше не мог быть уверен, что сегодня его самого не арестуют и не бросят в тюрьму, из которой только редко кто-либо возвращался назад» [Lācis 1974, 12. sēj.: 96]. Автор в романе неоднократно, прямо и косвенно, указывает на участие многих латышей в осуществляемом нацистами уничтожении евреев как в роли исполнителей, так и в роли одобряющих преступление и помогающих в организаторской деятельности. Один из образов, который воплощает возможные настроения, мотивацию и отношение к происходящим в то время событиям латышских соучастников — это Индулис Атауга. Сын богатого новохозяина, оппортунист, который в откровенном разговоре со своей сестрой рассказывает о своих делах

за время отсутствия и подводит под сделанное довольно простое основание: «Ты сам тоже какого-нибудь человека повесил?... — Случалось один-два раза. Это довольно интересно. <...> — И детей тоже? <...> — Да... Но ты не беспокойся, Фанни! Это ведь были всего лишь жидята» [Lācis 1974, 12. sēj.: 111–112]. Вилис Лацис наглядно демонстрирует также ответственность местных коллаборационистов за уничтожение евреев в регионах. Так, например, тот же самый Индулис Атауга высказывает предложение своему шурину Джеку Бунте: «Иди ко мне в группу. Поедем в Латгалию жидов стрелять. Вещи будем делить по головам. У твоей семьи не будет недостатка ни в еде, ни в одежде» [Lācis 1974, 12. sēj.: 113]. После уклончивого ответа Бунте Индулис Атауга делает вывод: «С вами не стоит говорить. Что я с такими буду делать. Мне нужны настоящие парни... такие, у которых рука не дрогнет... кто не будет морщиться, ни за что. Ты думаешь, что таких мало? Сколько угодно, Джек, парни на эф эф⁶» [Lācis 1974, 12. sēj.: 114]. В романе многократно фигурирует также образ коллаборанта Арайса. Хотя Вилис Лацис и переименовал Виктора Арайса в Вольдемара Арайса, однако нет сомнений, что образ списан с исторического персонажа: «Что касается введения нового порядка, Рига не находилась на последнем месте среди прочих генеральных округов. Об этом заботился доктор Ланге, маленький Краузе, Штиглиц и частично также хитроумный полицейский Арайс, которому дали звание капитана» [Lācis 1974, 12. sēj.: 222]. Так называемая команда Арайса упомянута многократно и, несомненно, обвиняется в преступлениях против евреев, также актуализируется тема захвата вещей убитых евреев: «Надо смотреть, чтобы шущманы и парни Арайса не растащили. — сказал Дрекслер. — Они достаточно награбили в июле» [Lācis 1974, 12. sēj.: 224].

В-шестых, в романе подробно показано также то, как семьи Звиргздсов и Биргелей самоотверженно и бесстрашно спасают еврея Натансона, за трагической судьбой которого читатель может следить на протяжении нескольких глав и который в размышлениях и чувствах выражает глубокую благодарность своим спасителям: «Он хотел быть полезным и, по возможности, отблагодарить этих достойных людей за их благородство. Они хорошо знали, какому риску подвергались, скрывая в своих домах чужого, преследуемого человека» [Lācis 1974, 12. sēj.: 125]. Таким образом, Вилис Лацис также указыва-

⁶ Неупотребительный сегодня фразеологизм, означающий «лучший», «первого сорта»

ет на различные моральные позиции латышей и на сложные исторические события в оккупированной нацистами Латвии, что символически выражают слова также пережившего Холокост исследователя Маргера Вестермана: «На улице Гоголя 25, один рядом с другим, стоят два памятника, два символа: сожженная синагога напоминает о тупом зле, которое все еще не исчезло из мира, [а] памятник спасителям <...> убеждает, что рядом с черной властью всегда должна быть также простая человеческая самоотверженность» [Vestermanis 2007: 248].

Анализируя роман «Буря» и резюмируя его содержание, нельзя не принимать во внимание вопрос о личности самого Вилиса Лациса, так же как нельзя игнорировать его связи с советской властью, что многие подразумевали, читая работы данного автора. Однако текст романа «Буря», который, если судить по тиражам книги, читали миллионы, дает детализированное описание происходившего в Латвии уничтожения евреев, например, убийств в дюнах Шкеде [Lācis 1974, 12. sēj.: 201–207], создания Рижского гетто [Lācis 1974., 12. sēj.: 222] и жизни в нем [Lācis 1974., 12. sēj.: 226–229] массовых убийств в Румбуле [Lācis 1974., 12. sēj.: 229–233]. Подобно остальным ранее упомянутым работам, роман «Буря» противоречит утверждениям, что тема Холокоста в советские годы была табуирована. По крайней мере, не во все годы советского режима и не в смысле того, что никакая информация в публичном пространстве не могла появиться.

Как видим, во времена сразу же после Второй мировой войны, еще во время правления Сталина, жителям Латвийской ССР были доступны различные виды репрезентации темы Холокоста. Интересно, что похожая ситуация наблюдается также в других землях, оставшихся с восточной стороны создаваемого в тот момент «железного занавеса». Так, например, многочисленные свидетельства о Холокосте были широко доступны также в послевоенной Польше — и в виде академической, популярной, мемуарной литературы, и в виде художественных фильмов и мемориальных знаков. Однако после пятидесятих годов эта информация была включена в дискурс «полонизации» Холокоста, так как акценты стремительно менялись — со страданий евреев на страдания коммунистов, затем, за короткое время, — уже на страдания всего польского народа [Törnquist-Plewa 2012: 11].

Ситуация стремительно менялась и в Латвийской ССР, и во всем Советском Союзе. В сущности, оставшиеся в СССР евреи после Второй мировой войны оказались в парадоксальной ситуации. Пережив-

шие Холокост и боровшиеся за свою жизнь или даже активно участвовавшие в боях против нацистского режима, вместо благодарности и примирения, а также создания официальной памяти о жертвах Холокоста и их поминовения, они пережили новую волну репрессий. Если поначалу антисемитская идеология осуществлялась слегка замаскированно, то позднее — все более открыто и цинично.⁷

Не считая различных запретов и ограничений, связанных с еврейской культурой вообще и упоминанием о жертвах Холокоста в частности, обязательно надо упомянуть и о прямых репрессиях, которые коснулись евреев в том числе и в Латвийской ССР. Как наиболее значительные следует упомянуть борьбу против «космополитизма» и «сионизма» в 1949 году, во время которой было арестовано и осуждено несколько десятков проживающих в Латвии еврейских интеллектуалов, и так называемое «Дело врачей»,⁸ во время которого ЦК ЛКП проводил кампанию разоблачения деятельности «сионистов», арестовав врачей и работников культуры еврейского происхождения. На территории Латвийской ССР от дальнейших репрессий и трагических последствий осужденных спасла смерть Иосифа Сталина 5 марта 1953 года, в результате которой репрессии были прекращены и отменены [Dribins 2007: 224; Latvijas ebreju kopiena 2001: 64–65].

Однако созданные в период сталинизма призраки антисемитизма, так же как культура, привычки и способы принятия решений, не могли исчезнуть вместе с одной публичной речью или решимостью начать новую политику. Они преследовали еврейскую общину еще дол-

⁷ Šaca-Marjaša R. Totalitārā režīma noziegumi pret Latvijas minoritātēm: Genocīds pret ebrejiem.// Komunistiskā totalitārisma un genocīda prakse Latvijā: zinātniskās konferences materiāli / Šneidere I. (sast.). Rīga: Zinātne, 1992. 157. lpp. Отношение к евреям еще во время Второй мировой войны хорошо иллюстрирует рассказ историка Менделя Бобе об антисемитском высказывании главы правительства Латвийской ССР Августа Кирхенштейнса во время формирования латышской дивизии в Гороховецких лагерях неподалеку от Горького (теперь — Нижний Новгород). А. Кирхенштейнс во время парада дивизии, проходя мимо подразделения, в составе которого 70% от воюющих солдат, офицеров и командиров были евреями, зло и саркастично произнес: «Что это за полк с жидами?» Цитируется по: Bobe M. Ebreji Latvijā. Rīga: Šamir, 2006. 278. lpp.

⁸ Публичное начало антисемитской компании, охватившей весь СССР, было отмечено опубликованной 13 января 1953 года в газете «Правда» передовицей «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», которая 14 января была перепечатана газетами Латвийской ССР «Циня» и «Советская Латвия». О деле врачей в Латвийской ССР подробнее см.: Šneidere I. Latvijas ebreju politiskā vajāšana: 1948–1953 // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā: Starptautiskā semināra referāti, 2001. gada 29. novembris, Rīga, un 2001.–2002. gada pētījumi par holokaustu Latvijā. Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. 8.sēj. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2003/2007. 359.–383. lpp.

го после смерти Сталина, и еврейской общиной во многих случаях воспоминания и память о Холокосте не ставились во главу угла, чаще приходилось думать об уменьшении последствий дискриминации, опасаясь за свое рабочее место, безопасность или, в экстремальных случаях, даже за жизнь. Вместе с тем свидетельства о Холокосте в культуре Латвийской ССР, особенно в популярной культуре, исчезли в 1949 г. и появились только в самом конце пятидесятых годов

Шестидесятые и Румбула

Тема Холокоста в тексты популярной культуры вернулась к концу пятидесятых и началу шестидесятых годов. В 1959 г. было опубликовано произведение Дагнии Зигмонте «Дети и деревья растут навстречу солнцу», в основе которой лежит повествование о семье, о жизни трех женщин — дочери, матери и бабушки — в оккупированной нацистами Риге. Эту книгу, так же, как тридцать других книг писательницы, характеризует сердечное отношение к простым людям, их радостям и бедам [Bērsons 1997]. В романе «Дети и деревья растут навстречу солнцу» Д. Зигмонте значительное место уделяет страданиям евреев во времена Второй мировой войны и их последствиям в сознании окружающих.

Среди персонажей рассказа — жившая по соседству с главными героями семья Кацманов. Повествование об их судьбе, ко всему прочему, делает более яркими и четкими идеологические портреты других героев произведения. Отношение к уничтожению евреев используется, чтобы охарактеризовать различные стороны личности героя, и одновременно автор повествует о дискриминации евреев, их спасении, убийстве и разграблении имущества. Однако наиболее эмоционально насыщенным и актуальным свидетельством о Холокосте в произведении является перемещение семьи Кацманов в гетто: «В окнах окрестных домов не видно ни одного лица, только занавески с подозрительными щелями по краям, — даже любопытных мальчишек матери позвали прочь, хорошо заметно, что сегодня наблюдается не обычный вид переселения. Нет ни одного человека, на которого могла бы посмотреть семья Кацманов, когда выходила из дома на улицу. Но все жители, вся улица видит и провожает — кто с какими чувствами — это знать невозможно, занавески молчат, маленькие черные щели немые» [Zigmonte 1959: 55–56]. В этой цитате решается вопрос, который актуален также в исследовании памяти о Холокосте — значит ли упоминание в официальном дискурсе также личное забвение?

Значимым событием в возобновлении памяти о Холокосте было инициированное еврейской молодежью Риги обследование и уход за местом румбульской трагедии, начавшиеся в шестидесятых годах. На начальном этапе этого процесса, на самом излете пятидесятих годов, 30 ноября 1959 года, в восемнадцатую годовщину расстрелов в Румбуле, в газете «Ригас Балсс» было опубликовано яркое сообщение об исторических событиях и об осуществляемой нацистами первоначальной дискриминации с последующим массовым уничтожением: «Евреев нацисты согнали в специальные районы — так называемые гетто — и уничтожали без исключений. <...> Каждому еврею, кто осмеливался оставить гетто, грозила смерть. Каждому еврею, кто оставался в гетто, также грозила смерть...» [Radionovs 1959]. Особенно ярко автор охарактеризовал ход убийства в Румбуле: «Убийцы были “милосердны”. Они разрешали семьям умирать вместе. Те жертвы, которые первыми подошли ко рвам, ждали своих близких» [Radionovs 1959]. Это одновременно эмоциональное и суровое повествование являлось призывом вспомнить жертв Холокоста и заботиться об их памяти, что в последующие годы активно происходило, как физически, так и символически.

Этот процесс отражает стихотворение «Румбула» Ояра Вацетиса, считающегося одним из талантливейших латышских поэтов. Оно написано в середине шестидесятых годов, во времена, когда в Риге все заметнее становились попытки поминовения жертв Холокоста. Физическим и символическим местом этой активности стал Румбульский лес, в котором во время Второй мировой войны в ходе двух акций, 30 ноября и 8 декабря 1941 года, были убиты примерно 25 тысяч евреев. Стихотворение «Румбула» представляет настроения того времени, процесс возрождения/формирования памяти о Холокосте и считается одним из наиболее выдающихся художественных произведений, посвященных Холокосту:

«Я иду вдоль самых глаз леса,
Ресницы сосен о мое плечо шелестят.
Вздыхает под ногами кочка мягкая...
Это — единственные звуки,
И я останавливаюсь,
Чтобы не было ни одного.
Криками полон лес,
Криками полон лес. <...>
Кричат.

Над зарытыми живыми насыпаны
Холмы —
Еще до утра шевелящиеся
Кочки. <...>»

[Vācietis 1989: 394–395]

Опыт Холокоста и его наследие также пронизывают написанный в 1968 году уроженцем Валки Эвалдсом Вилксом рассказ «В полночный час» — эмоционально насыщенное повествование о жизни латышского крестьянина в условиях смены властей, о его выборе, участии в уничтожении евреев, суровой судьбе его и подпаска в условиях немецкой оккупации. Одновременно это рассказ об отношении человека с властью, свободе и ответственности, коллаборационизме и сопротивлении, принятых решениях и совести, но в центре рассказа находится тема Холокоста, которая показана в повествовании о судьбе еврейского мальчика.

Во введении к рассказу главного героя, лирическое «я» автора, вещает какая-то пожилая женщина, которая, знакомя с собой, значительно говорит: «Я — История <...> Гостей обычно приглашают дальше, <...> но ты, наверное, меня не ждал. Но это уже и не важно. Потому что все равно от меня не избавишься, как бы ни захотел» [Vilks 1973: 478]. История пришла на помощь, чтобы пояснить некую ужасающую правду, которая мучает героя рассказа и с которой он знакомит читателя: «Мне не дает покоя один рассказ <...> Рассказ о хозяине, который в первый год немецкой оккупации своего пастуха, еврейского парнишку, отвел и сдал немцам. Конечно, осенью, после того, когда тот все лето у него отбатрачил. <...> Меня волнует именно кажущаяся простота, ужас обыденности данного события. Увел человеческое дитя на расстрел. И просто так, ни за что...» [Vilks 1973: 479].

В конце концов, у героя рассказа появляется возможность узнать правду о событиях того времени до мельчайших деталей. Особенно ярким является рассказ Хайма Цимбала о дороге в Валку, своем убийстве, о котором он тогда ничего не знал, так как думал, что хозяин ведет его в убежище: «У границы города — белый столбик с надписью «Валка». Черными буквами написано на коричневом фоне. Все знакомо, сто раз видано, но сейчас так... так... тепло, что слезы подступают. И смотрю, у того же самого столбика — только немножко ниже — прикреплен другой знак. Такой белый, с черными буквами, и написано — “Judenfrei”. Я это знал. Я это уже знал... <...> Видел знакомых людей, идущих по тротуару, но они тоже ничего не говорили,

Илл. 1.

Памятник жертвам Холокоста. Преи́ли. Август 2011 (авт. Светлана Амосова)

только смотрели. И шли мальчики из нашего класса с книгами в руках. Они остановились, тоже ничего не сказали, только смотрели. И тогда я понял, почему они так смотрят. И мне было так стыдно, что все мои близкие умерли, а я один все еще жив. И я больше не смотрел на людей, потому что мне было стыдно перед ними» [Vilks 1973: 493–494].

В эпилоге рассказа автор сообщает, что подпасок убит и закопан утром следующего дня в лесу в нескольких километрах от Валки, вместе с двумястами тридцатью четырьмя другими, закопанными немного раньше.

После этой публикации Холокост опять на время исчез из популярной литературы Латвийской ССР, поскольку после победы Израиля в Шестидневной войне в 1967 году антисионизм и вместе с тем косвенно также антисемитизм еще раз вернулись в повестку дня советской политики и средств массовой информации, и Израиль в развернутых сообщениях сравнивался с нацистским режимом, а сио-

низм — с национал-социализмом [Snyder 2010: 372]. Вместе с тем память и воспоминания о Холокосте могли грозить обвинениями в предательстве родины и следующими за этим репрессиями.

Восьмидесятые

Холокост в популярную культуру Латвийской ССР еще раз вернулся в конце семидесятых годов в романе Мирдзы Клявы «Мара в Риге», который написан с использованием автобиографического материала и концентрируется вокруг главной героини, подростка Мары, а также вокруг жизни в Риге ее друзей, ближайших родственников и соседей в сложное время конца тридцатых и первой половины сороковых годов. Автор смену власти в Риге обозначает, среди прочего, описывая увиденный глазами Мары образ встреченной на улице еврейки, и так указывая, прямо и косвенно, на положение всех евреев в первые месяцы нацистской оккупации: «Посмотрела вбок. Прежде всего, встретила два глубоко запавших, окруженных темными тенями карих глаза, полных ненависти и отчаяния. Только тогда Мара увидела проходящую во весь рост. Худая пожилая еврейка шла по уличному стоку, при каждом шаге стучали деревянные туфли: клап... клап... Держа в руке ботву, она откусывала по кусочку от морковки. Желтая звезда на груди. Она прошла мимо Мары. Желтая звезда на спине. В продуктовые магазины ее не пускают, по тротуару идти ей нельзя» [Kļava 1979: 215].

Наиболее эмоционально насыщенным является повествование о значимом участии местных коллаборационистов в Холокосте, что выражено в образе Фрициса Варпы, который сначала был шуцманом, а потом вступил в добровольческий полицейский батальон. В одном эпизоде Фрицис Варпа, изрядно выпив и, вероятно, мучаясь угрызениями совести, признается Маре и ее подруге, Яутрите, каково основное содержание его обязанностей как помощника нацистов: «Вам кажется, что с жидами так просто. Тут нужны нервы. И какой цирк только не случается! Один раз, когда другие уже были расстреляны, лейтенант самой последней, голой жидовке, приказал играть на скрипке. Когда-то эта Сара Рашина⁹ своим умением морочила латышам головы. Она не послушалась, кинула скрипку в яму. Слышите...

⁹ Сара Рашина (1920–1941) — известная латвийская скрипачка, в 1937 стала лауреатом конкурса скрипачей в Брюсселе, позднее играла в составе нескольких популярных оркестров

скрипка звучит...» [Kļava 1979: 233]. Однако ярче всего участие в уничтожении евреев и моральные последствия этого проявляются в образе Фрициса Варпы, когда водка кончилась и он дает волю эмоциям: «И чего это жидовское отродье там в углу сидит на коленях? Оно всюду за мной тащится следом... всюду... И та скрипка звучит... — Фрицис Варпа схватил стул и бросил в стену, где ему мерещился призрак. <...> В тот же самый вечер на станции Чиекуркалнс, на скамейке, нашли застрелившегося Фрициса Варпу» [Kļava 1979: 234].

Тема Холокоста важное место занимает и в рассказе «Таинственная находка» Зенты Эргле, автора популярных книг для детей, написанном в 1980 г., в котором главными действующими лицами являются четверо подростков, членов объединения Юных друзей милиции. События происходят вокруг оставленной при переселении пенсионеркой Паулиной Пурвите кровати и спрятанных в той драгоценностей. Рассказ концентрируется вокруг попыток юношей выследить нашедшего и присвоившего драгоценности, и одновременно с этим раскрываются события времен нацистской оккупации и происхождение сокровищ. В рассказе, как один из персонажей, изображен ювелир Хаим Гольдбаум, дочери которого, Эмми, принадлежала часть драгоценностей, и который незадолго до нападения нацистов отправился в Ленинград: «Дочь Эмми, студентка консерватории, осталась в Риге. Когда Хаим с женой в ноябре 1944 года вернулся в родной город, не было ни Эмми, ни большой семьи родственников. Гитлеровцы всех расстреляли и зарыли в массовых могилах у Румбулы и в Бикерниеках» [Ērgle 1980: 12].

В эпилоге произведения о судьбе дочери Гольдбауму рассказывает пенсионерка Паулина и дворничиха Элльиньмате, также знакомя читателей со страданиями евреев во время нацистской оккупации: «Мой покойный муж перед уходом на фронт много говорил о зверствах фашистов, о преследовании коммунистов и евреев, о концентрационных лагерях. Но люди этому в начале не верили, не хотели верить. <...> Евреев объявили нечистой расой, приказали им носить на спине желтую звезду и ходить только по проезжей части улицы, как лошадям. В Московском форштадте устроили гетто и согнали всех евреев туда, как скот в загон, как зверей за колючую проволоку, вокруг вооруженные охранники с собаками» [Ērgle 1980: 75–76].

Зента Эргле всего написала более 30 книг, их общий тираж превысил два миллиона экземпляров, а труды были переведены на более чем 15 языков. На произведениях З. Эргле выросло несколько поко-

лений, в основе успеха работ автора — удачные портреты подростков, увлекательный сюжет, в повествовании всегда чувствуется доброта и неиссякаемый юмор [Auziņš 1998]. «Таинственная находка» увлекательна и идеологически насыщена, в ней содержится мысль о том, как стать ответственным и порядочным советским гражданином, думая не только о своих личных, но и об общественных интересах, и в то же самое время, как показано в данной статье, дает основательный взгляд на осуществляемые нацистами преследования евреев и на их трагический результат.

Наконец, тема Холокоста в 1981 году появилась и на телевидении. Это произошло в популярном тогда и любимом во многих советских республиках семисерийном художественном фильме производства Рижской киностудии «Долгая дорога в дюнах» режиссера Алоиза Бренчса, в символическом эпизоде, когда главная героиня, Марта Озола, входит в квартиру, когда-то принадлежавшую еврейской семье.

Однако, социальная память о Холокосте начала действительно оживать одновременно с еврейской общиной и актуализацией ее истории во время «Национального Пробуждения» в конце 1980-х. Это ознаменовалось и другим отношением к меньшинствам в Латвии, которое базировалось на надежде, общих целях и более дружелюбных, благоприятных отношениях к попыткам меньшинств сохранить и развивать свои традиции и культуру. Историю евреев, и в том числе связанные с Холокостом вопросы, в это время активно исследовали и актуализировали И. Штейман, Б. Волкович, Л. Дрибин, М. Вестерман, Э. Рапиня, Х. Брегман [Stranga 2002: 12; Stranga 2001: 30]. В это время академик Янис Страдиньш в своих речах и статьях стал использовать термин «Холокост». Важную роль сыграли высказывания некоторых лидеров Пробуждения (Я. Петерс, Д. Иванс) о необходимости помнить массовые убийства евреев и жертвы. Особенно ярко высказался поэт Янис Петерс, чья знаковая речь 28 октября 1988 года у памятника Свободы, приуроченная к столетию скульптора Карлиса Зале, привлекла внимание к проблеме Холокоста и вызвала обширные дискуссии: «Памятник Свободы оплакивает вывезенных 14 июня 1941 года и 25 марта 1949 года, но не забудем, что жить для Отечества и Свободы хотели и те десятки тысяч евреев, которых в еще невиданных для Латвии кровавых оргиях убили предатели латышского народа, чьи рукава рубах до локтей завернуло вторжение нацистов в Советский Союз» [цит. по Peters 1988].

Также особое значение было у выпуска газеты «Literatūra un Māksla»¹⁰ от 25 ноября 1988 года, который был полностью посвящен еврейской общине в Латвии и который включал также детальное описание Маргером Вестерманом в статье под названием «Человечество должно было молчать» осуществленного нацистами в оккупированной Латвии истребления евреев [Vestermanis 1988].

17 мая 1989 года газета «Циня», как сообщалось в передовице, в честь визита автора в Латвию, начала перепечатку впервые опубликованной в «Вестнике Академии Наук ЛССР» [Ezergailis 1988] статьи Андриевса Эзергайлуса «Команда Арайса»¹¹ [Ezergailis 1989]. Всего статья была опубликована в восьми частях и предлагала взгляд не только на биографию Виктора Арайса, включая эволюцию и изменения характера этого человека, но и еще на образование команды, которой было дано его имя, ее численный состав, организацию, совершенные преступления и на остальные вопросы, связанные с данным формированием, а также давала информацию о многих аспектах уничтожения евреев в Латвии — об организации, принятии решений, разделении функций, реализации, размерах.

В заключение

Сразу же после Второй мировой войны по западную сторону «железного занавеса» остались территории, где была создана и претворялась в жизнь идеология, которая допускала и, более того, основным мотивом которой было уничтожение евреев, в свою очередь, с восточной стороны оказались территории, где уничтожение евреев происходило на практике. Вместе с тем на Западе Холокост в основном был полем для теоретического освоения, со стремлением ответить, как и почему это могло произойти. Напротив, на Востоке вопрос не был только о потерянных общинах, это не был рассказ о людях, которые участвовали в разработке преступных планов и на уровне реализации составленных списков.

В Восточной Европе Холокост являлся рассказом об убийствах и соседях, которые их осуществляли. Это был намного более непосредственный, персональный опыт и связь с безжалостным преступ-

¹⁰ «Литература и искусство», издание творческих союзов ЛССР

¹¹ Вспомогательное латышское подразделение нацистской Службы безопасности (СД), созданное в Риге в начале июля 1941 года и использовавшееся для истребления евреев, а также проведения антипартизанских акций.

лением. Хотя во многих случаях убийства происходили вне центров городов и поселков — очень многие люди были их свидетелями, начиная с тех, кто видел сам момент преступления или путь до него, продолжая теми, кто слышал выстрелы и ясно понимал, что они означают, и кончая теми, кто встречался с рассказами прямых и косвенных свидетелей и самих преступников об этих преступлениях, а также с различными попытками этих людей справиться с пережитым и сделанным.

Это было ужасное наследие, с которым проживающим в Восточной Европе нужно было уживаться, и решение, определенно, не могло быть простым. Однако, с точки зрения руководства СССР, оно таким было или стало. Решение проблемы нашлось в замалчивании Холокоста на уровне официальных властей. Эта формальная и институциональная политика на всех уровнях власти, несомненно, повлияла также и на неформальные процессы, однако из-за ужасов и небывалого насилия Холокоста воспоминания о нем не могли не проявляться в разное время и в различных формах, что и отражено в этом рассказе о социальной памяти о Холокосте в Латвийской ССР.

Литература

- Auziņš 1998 — Auziņš A. Zenta Ērgle (1920. g. 23.XII–1998.11.VI). Diena. 1998. 16. jūn. См.: <http://www.diena.lv/arhivs/zenta-ergle-1920-g-23-xii-1998-g-11-vi-10282044>
- Berelis 1999 — Berelis G. Latviešu literatūras vēsture: No pirmajiem rakstiem līdz 1999. gadam. Rīga: Zvaigzne ABC, 1999.
- Bergen 2009 — Bergen D.L. War & Genocide: A Concise History of the Holocaust. 2nd ed. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. 2009.
- Bērsons 1997 — Bērsons I. Dagnija Zigmonte (1931.7.VI–1997.24.II). Diena. 1997. 27. febr. См.: <http://www.diena.lv/arhivs/dagnija-zigmonte-1931-7-vi-1997-24-ii-10003978>
- Dribins. Antisemītisms — Dribins L. Antisemītisms un tā izpausmes Latvijā: vēstures atskats. Latvijas vēsturnieku komisijas raksti. 4. sēj. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds. 2001/2007.
- Dribins 2007 — Dribins L. Ebreji Latvijā // Mazākumtautības Latvijā. Vēsture un tagadne / Sast. Dribins L. Rīga: Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts, 2007
- Džads 2007 — Džads T. Pēc kara: Eiropas vēsture pēc 1945. gada. Rīga: Dienas grāmata. 2007
- Ērgle 1980 — Ērgle Z. Noslēpumainais atradums. Rīga: Liesma, 1980.
- Ezergailis 1988 — Ezergailis A. Arāja komanda. Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1988. № 10. 113.–130. lpp.
- Ezergailis 1989 — Ezergailis A. Arāja komanda. Cīņa. 1989. 17. maijs. 3. lpp.

- Ezergailis 1996 — Ezergailis A. *Latvia // The World Reacts to the Holocaust / Ed. by D. Wyman, Ch. Rosenzweig. Maryland: The Johns Hopkins University Press, 1996.*
- Ezergailis 1999 — Ezergailis A. *Holokausts vācu okupētajā Latvijā. Rīga: Latvijas Vēstures institūts, 1999.*
- Ezergailis 2005 — Ezergailis A. *Nazi/Soviet Disinformation about the Holocaust in Nazi-occupied Latvia: Daugavas Vanagi: Who are they? — Revisited. Rīga: Latvijas 50 gadu okupācijas muzeja fonds, 2005.*
- Kļava 1979 — Kļava M. *Māra Rīgā. Rīga: Liesma, 1979.*
- Lācis V. Vētra — Lācis V. Vētra: romāns 3 daļās, 6 grāmatās. Rīga: LVI, 1947–1949.
- Lācis 1974 — Lācis, V. *Kopotie raksti. Rīga: Liesma, 1974.*
- Latvijas ebreju kopiena 2001 — Dribins L., Gūtmanis A., Vestermanis M. *Latvijas ebreju kopiena: vēsture, traģēdija, atdzimšana. Rīga: LU LVI, 2001*
- Leggewie 2011 — Leggewie C., Lang A. *Der Kampf um die europäische Erinnerung. Ein Schlachtfeld wird besichtigt. München: Verlag C. H. Beck, 2011.*
- Levins 1999 — Levins D. *Ebreju vēsture Latvijā: no apmešanās sākumiem līdz mūsu dienām. Rīga, 1999.*
- Painful Pasts 2012 — *Painful Pasts and Useful Memories: Remembering and Forgetting in Europe // Ed. by B. Törnquist-Plewa, N. Bernsand. CFE Conference Papers Series No. 5. Lund: Lund University, 2012.*
- Peters 1988 — Peters J. *Cita ceļa vairs nav. Literatūra un Māksla. 1988. 4. nov. 2. lpp.*
- Radionovs 1959 — Radionovs I. *Cilvēki esiet modri! Rumbulas traģēdija. Rīgas Balss. 1959. 30. nov. 3. lpp.*
- Radzobe 2004 — Radzobe S. *Vilis Lācis un sociālistiskā reālisma kanons. Diena. 2004. 17. jūl. См.: <http://www.diena.lv/lat/arhivs/domas/vilis-lacis-un-socialistiska-realisma-kanons>*
- Roseman 2001 — Roseman M. *Recent Writing on the Holocaust // Journal of Contemporary History. 2001. № 2 (36)*
- Sakse, Sudrabkalns 1945 — Sakse A., Sudrabkalns J. *Par vācu fašistisko briesmoņu zvērbām Padomju Latvijā. Rīga: Grāmatu apgāds VAPP, 1945.*
- Snyder 2010 — Snyder T. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. New York: Basic Books, 2010.*
- Stranga 2001 — Stranga A. *Latvijas sabiedrības attieksme pret holokaustu // Holokausta izpētes problēmas Latvijā: starptautiskās konferences referāti, 2000. gada 16.-17. oktobris, Rīga un pētījumi par holokaustu Latvijā. Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. 2. sēj / Sast. Dz. Ērglis. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2001/2007.*
- Stranga 2002 — Stranga A. *Ebreji un diktatūras Baltijā (1926–1940). 2. izd. Rīga: LU Jūdaikas studiju centrs, 2002.*
- Tiesas prāva...29.01 — [B. a.] *Tiesas prāva par vācu fašistisko iebrucēju ļaundarbībām Latvijas, Lietuvas un Igaunijas PSR teritorijā. Cīņa. 1946. 29. janv. 3. lpp.*
- Tiesas prāva...5.02 — [B. a.] *Tiesas prāva par vācu fašistisko iebrucēju ļaundarbībām Latvijas, Lietuvas un Igaunijas PSR: Spriedums. Cīņa. 1946. 5. febr. 3. lpp.*
- Tiesas prāva 1946 — *Tiesas prāva par vācu-fašistisko iebrucēju ļaundarbībām Latvijas, Lietuvas un Igaunijas Padomju Sociālistisko Republiku teritorijā. Rīga: VAPP grāmatu apgāds, 1946. Русский вариант см. Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской СССР. Рига: Книгоиздательство ВАПП, 1946*

- Törnquist-Plewa 2012 — Törnquist-Plewa B. The Use and Non-Use of the Holocaust Memory in Poland // Painful Pasts and Useful Memories: Remembering and Forgetting in Europe / Ed. by B. Törnquist-Plewa, N. Bernsand. CFE Conference Papers Series No. 5. Lund: Lund University. 2012
- Vācietis 1989 — Vācietis O. Kopotie raksti. 1. sēj.: dzeja. Rīga: Liesma, 1989.
- Vestermanis 1988 — Vestermanis M. Cilvēcībai bija jāklusē. Literatūra un Māksla. 1988. 25. nov. 6.lpp.
- Vestermanis. Holokausts Latvijā — Vestermanis M. Holokausts Latvijā: Historiogrāfisks apskats // Holokausta izpētes problēmas Latvijā: starptautiskās konferences referāti, 2000. gada 16.-17. oktobris, Rīga, un pētījumi par holokaustu Latvijā. Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. 2. sēj / Sast. Dz. Ērglis. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2001/2007.
- Vestermanis 2007 — Vestermanis M. Pretdarbība holokaustam nacistu okupētajā Latvijā // Mazākumtautības Latvijā. Vēsture un tagadne / Sast. L. Dribins.. Rīga: Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts, 2007
- Vilks 1973 — Vilks Ē. Labs paziņa: stāstu izlase. Rīga: Liesma, 1973.
- Zelče 2004 — Zelče V. Modificējamais socreālisms un laiks: Viļa Lāča romāna „Uz jauno krastu” piemērs // Vilis Lācis: divu Latviju naratīvi, sociālais/sociālistiskais reālisms/ S. Kruks, V. Zelče (galv. red.). Rīga: Zinātne, 2004.
- Zigmonte 1959 — Zigmonte D. Bērni un koki aug pret sauli. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība, 1959.

Перевод с латышского Ирины Буши